

* * *

«Всё новое – хорошо забытое старое» –
Усвой, мой сын, это ржаво-железное правило.
Когда вонзишь свои вилы в стог, испытываешь время,
Вилы звякнут о грабли, черенок ударится в темя!
Что мы здесь, на селе? –
Население, муравьишки:
Бегаем, топчемся по земле,
Копаем, читаем книжки,
Смотрим телек по вечерам, все глупые сериалы...
О том ли мечталось, сын мой, нам?
Не переключай каналы!
Выключи!!!

В тишину

Жажду я окунуться,
Чувствовать под ногой траву,
Чествовать вечернее солнце,
Чавкать морковью всласть,
Чертыхаться лихо да смачно.
Чёрное всё!

Не плачь.

Сбудется всё. Однозначно.

* * *

Один день,
Который ушёл,
Истёрся, как порошок:
Исхожен, испит, изжит...
Шок!
И сколько их мне дано,
Как в алгебре, по условию,
Без формул и без ответов, но
Входящих в историю,
Без дат, без событий, без
Каких-то навязчивых
Людей? –
Неуёмный бес
Добьёт однозначно
Как сонную муху меня,
Как мусор никчёмный выбросит!
А Бог подберёт: «Родня» –
И вынесет.
Зачем я здесь?
Для чего?
В руках – травяная медь...
Не спрашивай никого
Впредь.

Глаза зажмурит и смеётся
 Мой старый друг оленевод.
 Скупое северное солнце
 В начале марта плавит лёд
 Глянь, по Янтарному несётся
 Четвёрка белых оленей!
 Скупое северное солнце
 В глаза мне бьёт сильней...
 Сильней,
 Чем флаг на мачте сердце бьётся
 На финише!
 Хвала богам!!!
 Скупое северное солнце
 Оленей гладит по бокам.
 Мне не найти его на карте,
 Как точку... Что же делать с ним?
 Вы только мне увидеть дайте
 Осенний солнечный Надым!
 Осенний. Солнечный. Не меньше!
 Не надо – серый и пустой.
 Не надо – без детей и женщин.
 Не надо – грустный, холостой.
 И не для галочки в блокноте,
 Мол, были, знаем, «ничего»:
 Стоят домишки на болоте,
 И в недрах много там всего...
 Увидеть дайте!
 В снах – не больше –
 Теперь приходит он ко мне,
 Надым, мой маленький, хороший,
 Милейший город на Земле!

Шар хризантемный
 Роняет на стол одеянье.
 Горького привкуса след
 На губах застывает –
 Мёд прошлогодний.
 Сплин ленинградский
 бескрайний.
 В блейзер дырявый одет
 Мой товарищ печальный.
 Тянется воздух
 Холодной прерывистой струйкой:
 В форточку курим.
 Делиться по-прежнему нечем.

Друг восхищается
 Старой моей чернобуркой...
 Мне достаётся в подарок
 Сиреневый вечер:
 Там, на закате звезда
 На игольчатой ножке,
 Танец исполнив таинственный,
 Вспыхнет надменно –
 Прямо до слёз! -
 И сгорит без следа...
 А чуть позже
 Тихо уронит на стол
 Лепесток хризантема.

* * *

Дюшес срубили. Что ж ты
плачешь?
И так дождливо за окном!
Печальные останки дачи
Согреют нас февральским днём.
Затопим печку тем дюшесом,
Отправив древо на дрова
И увлечённые процессом
Горенья, вымажем слова
Легчайшим пеплом, тёплой
сажей,
Глотая ртом грушёвый дым...
Дождь перестанет плакать даже,
Став золотистым и слепым!

Зажжём под вечер керосинку,
Заварим в кружках крепкий чай,
Взобьём подушки и перинку,
Шепнув друг дружке: «Засыпай!»
—
И нас накроет сновиденье,
Одно, как в сказке, на двоих:
Дюшес и свежее варенье,
Под зноем сад густой притих,
От сока пальцы прилипают,
Нектар встречается с локтём...
И шершни пьяные летают
Под синим дачным потолком.

* * *

Сентябрь забирает лето.
В пропахших мёдом и вином
Руках – билет с его концерта.
Всё перевернуто вверх дном.
В забытых чашках спят чайники,
Белеют чайками листы.
Стоят немые ботинки
На тумбочке – для красоты!
На одиночество обменян
Ненужный лист календаря.
И у меня дрожат колени,
Что я осталась без огня,

Без выходных, без строк, без песен,
Без моря и без облаков.
И день уже опять мне тесен,
А ночь – нема... Немало слов
Раздарено на сувениры.
И правда жизни такова:
Живут в углах чужой квартиры
Лишь пауки – и все дела!
И разучившись улыбаться,
Серьёзно я ищу себя
С утра во вмятинах матраса
На фоне утра сентября.

* * *

Это странная сторона:
Ленских щёк глухая стена
И столбы... И небес глубина
Здесь иная – не та страна.

Просыпаюсь под звуки арф
/говорят, что мой дед был граф/,
Открываю скрипучий шкаф,
Надеваю пальто и шарф

Я чужая здесь... Апатрид!
Здесь иначе пальто висит,
Люди верят в любовь и СПИД,
И на деньги здесь – дефицит.

И иду, не скрывая глаз,
И от звуков вхожу в экстаз...
А в кармане пальто – алмаз,
Обработанный на заказ.

По-эвенкски – Елю-Ене:
Мир, входящий в меня извне,
И вселенная, что во мне –
Всё едино, как гвоздь в стене!

Ударение вкривь: Ле-на!
По щекам – ветви: кедр, сосна.
Дельта Лены... О, ширина!
Это странная сторона.

Когда расписания все
Утратят свою актуальность,
Усталый водитель встанет,
Расправит плечи.
Лист свой маршрутный сложит
И – в бардачок.
Мысль, словно стриж, юркая:
«Эх, дурачок!
Жизнь-то проходит мимо...»
И пешим ходом
Выйдет на тротуар,
Сольётся с толпой, с народом
Да перестанет руками водить.
Отойдёт понемногу.
Вспомнит, что красный
Теперь для него – зелёный,
И прикоснётся к тёплой коре клёна,
И засидится где-нибудь в тихом парке,
Вспомнит, как в детстве с отцом
Собирал марки...
И улыбнётся, вздохнув глубоко.
Услышит,
Как пролетают птицы,
От ветра поют крыши –
Звуков иных хороводы
Его окружают, затанцуют...
И он помянет Бога опять всеу.
Но это всё – НИЧЕГО!
Ничтожно его расписание:
Дела нет, долга нет.
Лишь пустота ожидания
Заворожит его...
И он выйдет к реке,
Где надрывно кричат чайки:
Стёрт твой маршрут от Фабрициуса
до Мамайки!

Топлива нет.
Отчего всё так в жизни фатально?
Вот и ответ:
Расписание неактуально!